

Вор и дилемма узника

Перед тем как воин-разум и я начинаем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор.

— Как ты думаешь, все тюрьмы похожи одна на другую?

Я даже не знаю, слышит ли он меня. У него нет видимых органов слуха, только глаза — сотни человеческих глаз на концах стеблей, что растут из его тела, словно какие-то экзотические фрукты. Он парит по ту сторону от светящейся линии, разделяющей наши камеры. Огромный серебряный «Кольт», зажатый в пологом на ветку манипуляторе, мог бы показаться смешным, если бы не пристрелил меня уже четырнадцать тысяч раз.

— Тюрьмы похожи на аэропорты, когда-то существовавшие на Земле. Там никому не нравится. Там никто не живет. Мы просто проходим сквозь них.

У Тюрьмы сегодня стеклянные стены. Наверху сияет солнце, почти как настоящее, но бледнее. Вокруг меня во все стороны до бесконечности простираются миллионы камер со стеклянными стенами и стеклянными полами. Свет проходит сквозь прозрачные поверхности, и на полу появляются радужные пятна. Кроме них в камере ничего нет, и на мне тоже ничего нет: я нагой, словно только что

появившийся на свет младенец, если не считать оружия в руке. Время от времени, когда удастся добиться выигрыша, нам позволяют кое-что изменить. Воин-разум достиг успеха, и в его камере летают невесомые цветы, красные, фиолетовые и зеленые пузырьки, вырастающие из водяных шаров, словно его собственные карикатурные изображения. Самовлюбленный ублюдок.

— Если бы у нас имелись уборные, двери должны были бы открываться внутрь. Ничто никогда не меняется.

Ладно, желание поговорить у *меня* уже иссякло.

Воин-разум медленно поднимает оружие. По стеблям его глаз проходит легкая дрожь. Жаль, что у него нет лица: влажный взгляд целого леса его глаз действует мне на нервы. *Неважно. На этот раз все должно получиться.* Я слегка наклоняю оружие, положение запястья и сам жест предполагают движение, как если бы я собирался поднять оружие. Каждый мой мускул вызывает к *сотрудничеству.* *Ну же. Поддавайся. Все честно. На этот раз мы должны стать друзьями...*

Ослепительная вспышка: черный зрачок его ствола извергает пламя. Мой указательный палец дергается. Дважды грохочет гром. И в мою голову вонзается пуля.

Невозможно привыкнуть к ощущению горячего металла, врывающегося в твой череп и выходящего через затылок. Все это имитировано до мельчайших деталей. Пылающий вихрь в голове, теплая струйка крови и мозга на плечах и спине, внезапный холод и наконец — темнота, когда все вокруг замирает. Архонты «Дилеммы» сделали так, чтобы мы все это почувствовали. Это познавательно.

И сама Тюрьма всецело посвящена воспитанию. И теория игр: обучает принятию рациональных решений. Если бы я был бессмертным разумом, как архонты, возможно, у меня и нашлось бы время для подобных вещей. И это вполне в духе

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

Соборности — верховного органа, управляющего Внутренней Солнечной Системой — поставить архонтов во главе всех тюрем.

Мы раз за разом играем в одну и ту же игру, только в разных вариантах. Архетипическая игра, любимая экономистами и математиками. Порой это испытание на выдержку: мы на огромной скорости мчимся навстречу друг другу по бесконечной автостраде и решаем, стоит ли отвернуть в самый последний момент. Иногда мы становимся солдатами в окопах, и между нами лежит полоса ничейной земли. А время от времени они возвращают нас к основам и снова превращают в заключенных — старомодных заключенных на допросе у сыровых следователей, где нам предстоит выбор между предательством и обетом молчания. Сегодняшний выбор — огнестрельное оружие. Что будет завтра, я даже не пытаюсь угадать.

Жизнь выдергивает меня из темноты, словно шарик на резинке. Я отчаянно моргаю, мысли путаются и рвутся. Каждый раз, когда мы возвращаемся, архонты немного изменяют нервную систему. Они уверены, что в конце концов каждый заключенный на оселке Дарвина дойдет до состояния сотрудника.

Если они выстрелят, а я нет, — это проигрыш. Если мы стреляем оба — боль незначительная. Если мы заключаем союз, — для нас обоих наступает Рождество. Вот только всегда находится причина, чтобы нажать на курок. Согласно теории, бесконечно повторяющиеся встречи должны вырабатывать склонность к сотрудничеству.

Еще несколько миллионов раундов, и я стану бойскаутом.
Точно.

В последней игре я заработал боль в костях. Мы оба пострадали: и воин-разум, и я. В этом раунде еще две игры.
Этого недостаточно. Проклятье.

В игре против соседей трофеем является территория. Если в конце раунда твой счет выше, чем у соседей, ты выигрываешь и в награду получаешь собственных двойников, которые заменяют — и стирают — находящихся поблизости неудачников. Сегодня мне не слишком везет — только два двойных поражения, оба в игре против воина-разума, — и если я не изменю положение, грозит настоящее забвение.

Я взвешиваю свои шансы. Две клетки рядом со мной — слева и сзади — занимают двойники воина-разума. В камере справа сидит женщина, и как только я поворачиваю голову в ее сторону, стена между нами исчезает, уступая место голубой черте смерти.

Ее камера так же пуста, как и моя собственная. Женщина сидит в центре, обхватив руками колени, закрытые черным, похожим на тогу платьем. Ее смуглая кожа наводит на мысли об Оорте, о желтовато-коричневом азиатском лице и стройном, сильном теле. Я улыбаюсь и машу рукой. Она не обращает внимания. Тюрьма, видимо, рассматривает этот жест как взаимное сотрудничество: я чувствую, как мой счет немного подрастает, что создает ощущение теплоты, словно глоток виски. Стеклопанельная стена между нами возвращается на свое место. *Ладно, это было совсем просто.* Но против воина-разума этого недостаточно.

— Эй, неудачник, — слышится чей-то голос. — Ты ее не интересуешь. Рядом имеются более привлекательные варианты.

В последней из камер сидит мой двойник. На нем белая тенниска, шорты и огромные зеркальные солнцезащитные очки. Он лежит в шезлонге у края плавательного бассейна, на коленях книга «Хрустальная пробка»¹. Это одна из моих любимых книг.

¹ Одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

— Победил опять не ты, — говорит он, даже не потрудившись поднять голову. — Опять. Что с тобой случилось, три проигрыша подряд? Пора бы уже усвоить, что все стремится к равновесию.

— В этот раз я его *почти* достал.

— Эта ложная мысль о сотрудничестве была неплохой идеей, — говорит он. — Вот только она ни за что не работает. У воинов-разумов нестандартные затылочные доли мозга, отдельные спинномозговые каналы. Их невозможно обмануть зрительными иллюзиями. Жаль, что архонты не начисляют баллов за попытку.

Я изумленно моргаю.

— Постой-ка. Как ты можешь знать то, чего не знаю я?

— Неужели ты считаешь, что ты здесь *единственный* Фламбер? Я неплохо поработал. В любом случае, чтобы его побить, тебе требуется еще десять очков, так что вали сюда, и я попробую тебе помочь.

— Ты действуешь мне на нервы, красавчик.

Я подхожу к голубой линии и впервые за этот раунд вздыхаю свободно. Он тоже поднимается, и из-под книги появляется изящный автомат.

Я наставляю на него указательный палец.

— Бум-бум, — говорю я. — Готов сотрудничать.

— Очень смешно, — отвечает он и, усмехаясь, поднимает оружие.

В его очках отражается моя уменьшенная обнаженная фигура.

— Эй, эй. Мы ведь с тобой заодно, не так ли?

И мне казалось, что это я обладаю чувством юмора.

— Разве все мы здесь не игроки и мошенники?

В голове что-то щелкает. Обаятельная улыбка, искусно имитированная камера — все это заставляет меня расслабиться, напоминает меня самого, но что-то здесь не так...

— Вот дерьмо.

В каждой тюрьме имеются свои слухи и свои страшилки, и наша не исключение. Я услышал это от одного зоку, с которым какое-то время сотрудничал. Легенда об аномалии. Абсолютный Предатель. Существо, которое никогда ни с кем не сотрудничает и остается безнаказанным. Этот тип обнаружил глюк в системе и всегда оказывается твоим двойником. А если нельзя доверять самому себе, кому же тогда верить?

— Да, — говорит Абсолютный Предатель и нажимает на курок.

«По крайней мере, это не воин-разум», — успеваю подумать я, перед тем как раздается оглушительный грохот.

То, что происходит потом, не поддается никакой логике.

Во сне Миели ест персик на Венере. Мякоть сочная, сладкая, с легкой горчинкой. Изысканное дополнение ко вкусу Сидан.

— Ты дрянь, — тяжело дыша, говорит она.

Они уединились в сфере из ку-точек, в четырнадцати километрах над кратером Клеопатры — маленьком островке жизни в отвесной пропасти гор Максвелла, где пахнет потом и сексом. Снаружи бушуют сернистые вихри. Янтарный свет, просачивающийся сквозь адамантиевую псевдоматерию оболочки, покрывает кожу Сидан медным налетом. Изгиб ее ладони в точности повторяет выпуклость холмика Венеры Миели над еще влажным влагалищем. Внутри еще слегка трепещут мягкие лепестки.

— Что я такого сделала?

— Много чего. Этому тебя научили в *губернии*?

На лице Сидан вспыхивает улыбка эльфа, в уголках глаз появляются едва заметные тонкие морщинки.

— Ты очень добра ко мне.

— Ты моя попка.

— А как насчет этого? Тебе нравится?

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

Пальчики свободной руки Сидан обводят серебристый контур бабочки, вытатуированной на груди Миели.

— Не трогай, — говорит Миели.

Внезапно ей становится холодно.

Сидан отдергивает руку и гладит Миели по щеке.

— Что случилось?

Мякоть персика съедена, осталась только одна косточка. Прежде чем выплюнуть, она перекачивает ее во рту. Маленький твердый предмет, испещренный воспоминаниями.

— Тебя здесь нет. Ты настоящая. Ты просто помогаешь мне сохранить рассудок в Тюрме.

— Это помогает?

Миели притягивает ее к себе, целует в шею, слизывает капельки пота.

— Не совсем так. Я не хочу уходить.

— Ты всегда была сильнее меня, — говорит Сидан. Она ласково перебирает волосы Миели. — Но уже почти пора.

Миели прижимается к знакомому телу, так что украшенная драгоценными камнями змея на ноге Сидан причиняет ей боль.

Миели.

Голос пеллегрини проносится в ее голове дуновением холодного ветра.

— Еще немного...

Миели!

Трансформация — это тяжелый и болезненный процесс, как будто с размаху кусаешь персиковую косточку и твердое ядро реальности едва не ломает зубы. Тюремная камера, бледный искусственный свет. Стеклянная стена, за ней разговаривают два вора.

Миссия. Долгие месяцы подготовки и реализации. Внезапно сознание полностью проясняется, и в ее голове всплывает план операции.

Напрасно было позволять тебе эти воспоминания, слышится в ее голове голос Пеллегрини. Мы едва не опоздали. А теперь выпусти меня, здесь слишком тесно.

Миели плюет косточкой в стеклянную стену, и преграда рассыпается осколками льда.

В первый момент время замедляет свой ход.

Удар пули вызывает в голове холодную боль, словно череп наполнили мороженым. Я падаю, но падение приостанавливается. Абсолютный Предатель превращается в застывшую статую с поднятым оружием в руке.

Справа от меня разлетается вдребезги стеклянная стена. Осколки летают вокруг меня, блестят на солнце, словно новая стеклянная галактика.

Женщина из соседней камеры торопливо идет в мою сторону. В ее походке чувствуется целенаправленность, как будто после долгих репетиций. Словно актер, услышавший необходимую реплику.

Она осматривает меня с головы до ног. У нее коротко остриженные темные волосы и шрам на левой скуле — геометрически прямая черная линия на сильно загорелой коже. И светло-зеленые глаза.

— У тебя сегодня счастливый день, — говорит она. — Тебе предстоит кое-что украсть.

Она протягивает мне руку.

Боль в голове усиливается. Галактика из стекла вокруг нас приобретает странные очертания, словно появляется знакомое лицо. Я улыбаюсь. *Конечно. Это сон умирания. Какой-то сбой в системе — такое иногда случается. Разгромленная тюрьма. Двери в туалет. Ничего не меняется.*

— Нет, — говорю я.

Женщина из сна моргает.

— Я Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Я краду то, что захочу и когда захочу. Я покину это место, когда сам решу

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

это сделать, и ни секундой раньше. По правде говоря, мне здесь нравится...

Мир вокруг меня становится ярко-белым от боли, и я больше ничего не вижу. Я смеюсь.

Где-то в моем сне кто-то смеется вместе со мной. *Мой Жан*, говорит второй, очень знакомый мне голос. *Ну конечно. Мы берем этого.*

Сделанная из стекла рука гладит меня по щеке, и в этот момент мой моделированный мозг решает, что пора умереть.

Миели держит на руках мертвого вора: он ничего не весит. Пеллегрини выплывает из персиковой косточки рябью раскаленного воздуха, а затем концентрируется в высокую женщину в белой одежде, с бриллиантами на шее и тщательно уложенными красновато-золотистыми локонами. Она кажется одновременно юной и старой.

Так-то лучше, говорит она. *В твоей голове слишком мало места.* Она широко раскидывает руки. *А теперь пора вытаскивать тебя отсюда, пока детишки моего брата ничего не заметили. Мне еще надо здесь кое-что сделать.*

Миели ощущает в себе чужую нарастающую силу и взлетает. Они поднимаются все выше и выше, ветер бьет в лицо, и на какое-то мгновение ей кажется, что она возвращается в домик своей бабушки Брихайн и снова обретает крылья. Тюрьма быстро превращается в сетку из крошечных квадратов далеко внизу. Квадратики меняют цвет наподобие пикселей, образуя неимоверно сложные узоры из сотрудничества и предательства, словно картинки...

И как раз перед тем как Миели и вор скрываются в небе, Тюрьма принимает вид улыбающегося лица Пеллегрини.

Умирать — это все равно что идти по

пустыне и думать о предстоящей краже. Мальчишка лежит на горячем песке под палящим спину солнцем и смотрит на робота у края площадки, занятой солнечными батареями.

Робот похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но внутри него есть ценные вещи, за которые Одноглазый Ийя даст хорошую цену. И возможно — только возможно, — Тафалкайт снова назовет его сыном, как будто он член семьи...

Он никогда не хотел умереть в

тюрьме, этом грязном нагромождении бетона и металла, полном отвратительных запахов и побоев. Разбитая губа причиняет боль. Парень читает книгу о человеке, похожем на бога. О человеке, кто делает все, что хочет, кто похищает тайны королей и императоров, кто смеется над законами и может изменить свое лицо, и ему стоит лишь протянуть руку, чтобы получить драгоценности и женщин. О человеке с названием цветка в имени.

Мне ненавистно сознавать, что они тебя схватили.

Грубым рывком поднимают его с песка. Солдат наотмашь бьет по лицу, а остальные нацеливают винтовки...

Это совсем не так забавно, как

кража из алмазного разума. Бог воров прячется внутри думающей пыли, объединенной в одно целое квантовыми связями. Он выдает алмазному разуму одну ложь за другой, пока тот не начинает принимать его за одну из своих мыслей и пропускает внутрь.

Люди, которых великое множество, создали великолепные сверкающие миры как будто специально для него, и ему стоит лишь протянуть руку, чтобы их собрать.

Это все равно что умереть. А оживление похоже на поворачивающийся в замке ключ. Металлические засовы отходят в сторону. Входит богиня и объявляет, что он свободен.

Рождение.

Страницы книги переворачиваются.

Глубокий вдох. Все болит. В глазах двоится. Я прикрываю лицо огромными ладонями. Прикосновение вызывает вспышку

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

молнии. Мускулы превратились в сеть стальных кабелей. Нос забит слизью. В животе обожженная бурлящая дыра.

Сосредотачиваюсь. Шум в ушах я превращаю в скалу — вроде тех, что стоят на равнине Аргир¹ — большую, громоздкую и гладкую. Я мысленно падаю в тонкое сито, просачиваюсь сквозь него мелким красным песком. Скала не может за мной последовать.

Внезапно снова становится тихо. Я прислушиваюсь к своему пульсу. Он почему-то невероятно *ровный*: каждый удар словно тиканье самого точного механизма.

Слабо пахнет цветами. Дуновения воздуха шевелят волосы на руках и других местах — я все еще обнажен. Невесомость. Неслышное, но ощутимое присутствие интеллектуальной материи. И другого человеческого существа где-то неподалеку.

Что-то щекочет мне нос. Я отмахиваюсь и открываю глаза. Белая бабочка улетает в яркий свет.

Моргаю. Я на борту корабля — по первому впечатлению, это оортианский паучий корабль — в цилиндрическом помещении около десяти метров длиной и пяти метров в диаметре. Стены прозрачные, цвета грязноватого кометного льда. Внутри них заключены странные статуэтки, словно рунические письмена. Круглые деревья-бонсаи и многоугольные предметы мебелировки медленно кружатся вокруг центральной оси цилиндра. За стенами звездная темнота. И повсюду вокруг белые мотыльки.

Моя спасительница парит неподалеку. Я улыбаюсь ей.

— Юная леди, — говорю я, — вы самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел.

Мой голос звучит как-то издали, но это мой голос. Интересно, правильно ли они восстановили мое лицо? Вблизи

¹ Плато на Марсе.

она выглядит невероятно молодой, совсем юной: в ее ясных зеленых глазах нет выражения скуки все познавшего человека. Она осталась в той же простой одежде, в которой была в тюрьме. Ее поза в воздухе обманчиво свободная, гладкие стройные ноги вытянуты, расслаблены, но наготове, как у мастера единоборств. Цепочка из разноцветных драгоценных камней обвивает ее лодыжку и тянется вверх по ноге.

— Прими мои поздравления, вор, — говорит она. Низкий голос звучит ровно и размеренно, но в нем угадываются презрительные нотки. — Побег удался.

— Надеюсь, что это так. Насколько мне известно, все это может оказаться одним из новых вариантов «Дилеммы». До сих пор архонты вели себя достаточно последовательно, но трудно не стать параноиком, если ты *действительно* попал к ним в виртуальный ад.

Между ног у меня что-то дрогнуло, и, по крайней мере, одно из сомнений развеялось.

— Извини. Прошло так много времени, — говорю я, изучая свою возбужденную плоть с отстраненным интересом.

— Похоже на то, — нахмурившись, отвечает она.

На ее лице появляется странное выражение — смесь раздражения и возбуждения, — и я понимаю, что она, должно быть, прислушивается к этой телесной биотической связи и частично ощущает то же, что и я. Значит, еще один надзиратель.

— Можешь мне поверить, ты выбрался оттуда. И это потребовало значительных затрат. В Тюрьме, безусловно, еще остается несколько миллионов тебя, так что можешь считать себя счастливым.

Я цепляюсь рукой за поручень на центральной оси и передвигаюсь за один из бонсаев, скрывая свою наготу подобно Адаму. Из-под листьев вылетает целое облако бабочек. Усилие производит странное впечатление: мускулы моего нового тела еще только пробуждаются.

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

— Прекрасная леди, у меня имеется имя. — Я протягиваю ей руку поверх дерева. Она нерешительно принимает ее и сжимает пальцы. Я отвечаю самым крепким рукопожатием, на какое способен. Выражение ее лица не меняется. — Жан ле Фламбер к вашим услугам. Хотя ты абсолютно права. — Я беру в руку цепочку на ее ноге. Она извивается в пальцах, как живая. Змея из драгоценных камней. — Я вор.

Ее глаза распахиваются. Шрам на щеке чернеет. И я внезапно оказываюсь в преисподней.

Я бесплотная точка в темноте, я неспособен сформулировать ни одной связной мысли. Мой разум зажат в тиски. Что-то сдавливает меня со всех сторон, не пропуская ни мыслей, ни воспоминаний, ни ощущений. Это в тысячу раз хуже, чем пребывание в Тюреме. И длится целую вечность.

А потом я возвращаюсь, тяжело дыша, с болью в животе, и вокруг летают сгустки желчи. Но я бесконечно благодарен за каждое ощущение.

— Никогда не смей больше так делать, — говорит она. — Твой разум и тело предоставлены тебе на время, это понятно? Укради то, что тебе скажут, и тебе позволят все это сохранить.

Драгоценная цепь по-прежнему обвивает ее лодыжку. На щеке подергивается мускул.

Приобретенные в Тюреме инстинкты приказывают мне заткнуться и прекратить пререкания, но человек-цветок, живущий во мне, должен высказаться, и я не в силах его остановить.

— Слишком поздно, — говорю я, еще не отдышавшись.

— Что?

Морщинка, появившаяся на ее гладком лбу, по-своему прекрасна — словно мазок кисти.

— Я исправился. Вы вытащили меня слишком поздно. Теперь, мадемуазель, я законченный альтруист, существо, полное доброй воли и любви к ближнему. Я даже подумать

не могу о том, чтобы принять участие в каком-то противозаконном деянии, даже ради моей прекрасной спасительницы.

Она пристально смотрит мне в лицо.

— Очень хорошо.

— Очень хорошо?

— Если ты мне не подходишь, придется вернуться и взять кого-то другого. «Перхонен», заключи его, пожалуйста, в сферу и выброси наружу.

Несколько мгновений мы молча смотрим друг на друга. Я чувствую себя дураком. Я слишком долго метался между поражением и сотрудничеством. Пора выбираться из этой вереницы. Я первым отвожу взгляд.

— Подожди, — медленно говорю я. — Теперь, когда ты об этом заговорила, я, возможно, вспомню о своих некоторых корыстных побуждениях. Я уже чувствую, как они возвращаются.

— Я так и думала, что они вернуться, — говорит она. — В конце концов, ты считался неисправимым.

— Итак, что же дальше?

— Скоро узнаешь, — отвечает она. — Меня зовут Миэли. Это «Перхонен», мой корабль. — Ее рука описывает широкий жест. — Пока ты находишься здесь, мы твои боги.

— Куутар и Илматар¹? — спрашиваю я, называя оортианских богов.

— Может быть. Или Человек Тьмы², если предпочитаешь.

Она улыбается. При мысли о том месте, куда она поместила меня в прошлом, я вижу в ней мрачного оортианского бога бездны.

— «Перхонен» покажет тебе твою каюту.

¹ Персонажи финского эпоса.

² «Человек тьмы» (англ. Darkman) — супергеройский фильм режиссера Сэма Рэйми. Сценарий фильма был написан Сэмом Рэйми, ссылаясь на фильмы ужасов 1930-х годов.

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

Вор уходит, и Миели опускается на кресло пилота. Она чувствует себя измотанной, хотя биотическая связь ее тела — которая вместе с «Перхонен» ждала ее несколько месяцев — свидетельствует о полученном в полной мере отдыхе. Но душевный разлад намного хуже обычной усталости.

Она ли это была в Тюрьме? Или кто-то другой?

Она вспоминает долгие недели подготовки, дни, проведенные в квантовом скафандре, замедляющем время, готовность совершить преступление только ради того, чтобы быть схваченной архонтами и попасть в Тюрьму. Вечность, проведенную в камере, погруженной в давние воспоминания. А затем стремительный побег по небу при поддержке пеллегрини, пробуждение в новом теле, сопутствующие дрожь и слабость.

И все ради вора.

И теперь еще и квантовая связь, соединяющая ее с телом, которое создала для вора пеллегрини, и постоянная приглушенная настороженность в его мыслях. Словно лежишь рядом с незнакомцем и ощущаешь, как тот ворочается во сне. Доверие богини Соборности наверняка доведет ее до сумасшествия.

Он прикоснулся к камням Сидан. Гнев помогает, но ненадолго. *Нет, дело не только в нем, но и во мне самой.*

— Я отделалась от вора, — говорит «Перхонен».

Этот теплый голос в ее голове, по крайней мере, принадлежит ей, а не имитирован Тюрьмой. Миели берет в ладони одну из бабочек, и трепещущие крылышки щекочут ей кожу, словно в руках бьется пульс.

— Ощущаешь влюбленность? — насмешливо спрашивает корабль.

— Нет, — отвечает Миели. — Я просто скучала по тебе.

— Я тоже, — говорит корабль. Бабочка выпархивает из ее рук и вьется над головой. — Это было ужасно — оставаться в одиночестве и ждать тебя.

— Я знаю, — говорит Миели. — Прости.

Внезапно в голове возникает какое-то тревожное ощущение. Какой-то разрыв в мыслях, словно что-то было вырезано, а затем вставлено заново. *Вернулась ли я из Тюрмы прежней?* Она знает, что могла бы обратиться к метамозгу Соборности, попросить выделить это ощущение, локализовать и удалить его. Но это не метод для воина Оорта.

— Ты плохо себя чувствуешь. Нельзя было тебя туда отпускать, — говорит «Перхонен». — Это дело не пошло тебе на пользу. Она не должна была заставлять тебя это делать.

— Ш-ш-ш, — предостерегает Миели. — Она услышит.

Но уже поздно.

Глупый корабль, говорит Пеллегрини. *Тебе следовало бы усвоить, что я всегда забочусь о своих детях.*

Пеллегрини уже здесь, она парит над Миели.

Непослушная девочка, продолжает она. *Ты не воспользовалась моими дарами. Дай-ка я посмотрю.*

Она грациозно опускается рядом с Миели, скрестив ноги, словно под действием земной силы тяжести. Затем прикасается к щеке Миели, и взгляд карих глаз упирается в ее глаза. У пеллегрини теплые пальцы, только одно из ее колец остается холодной черточкой, как раз на том месте, где находится шрам. Миели вдыхает запах ее духов. В голове что-то *поворачивается*, шестеренки механизма сдвигаются и со щелчком встают на свои места. Внезапно ее мысли становятся гладкими, словно шелк.

Ну, так лучше? Когда-нибудь ты поймешь, что наши методы работают. Не стоит гадать, кто есть кто, надо понять, что все они — это ты.

Тревога угасает, как огонь под потоком холодной воды. От неожиданного облегчения она едва сдерживает слезы. Миели готова расплакаться, но только не перед *ней*. Поэ-

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

тому она просто открывает глаза и ждет, готовая повиноваться.

Ни слова благодарности? Очень хорошо.

Пеллегрини открывает свою сумочку, достает маленький белый цилиндр и подносит ко рту. Один конец цилиндра загорается и выпускает дурно пахнущий дым.

Итак, скажи мне: что ты думаешь о моем воре?

— Говорить не мое дело, — тихо произносит Миели. — Я живу, чтобы служить.

Хороший ответ, хотя и немного наскучил. Разве вор не хорош? Ну же, отвечай начистоту. Неужели ты будешь тосковать по своей малышке-любовнице рядом с таким, как он?

— Он нам нужен? Я могу это сделать. Позволь мне служить, как я служила прежде...

Безупречно красивые губы Пеллегрини изгибаются в улыбке.

Не в этот раз. Ты хоть и не самая могущественная из моих слуг, зато самая преданная. Слушайся меня, и твоя вера будет вознаграждена.

После этого она исчезает, а Миели остается одна в кресле пилота, и вокруг ее головы выются бабочки.

Моя каюта лишь немного просторнее, чем стенной шкаф. Я пытаюсь проглотить протеиновый молочный коктейль из фабрикатора с закусками и напитками, прикрепленного к стене, но мое новое тело еще не приспособилось усваивать пищу. Пришлось некоторое время провести на вакуумном унитазе — автономно работающем контейнере, который выскакивает из стены и прикрепляется к заднице. Похоже, оортианские корабли не отличаются высоким комфортом.

Одна из закругляющихся стен имеет зеркальное покрытие, и во время унижительной, но необходимой процедуры я рассматриваю свое лицо. Оно выглядит *неправильно*. Те-

оретически все повторено в точности: губы, глаза Питера Лорре¹ (как сказала одна из моих подружек сто лет назад), вдавленные виски, короткие волосы, слегка седеющие и редкие, привычная стрижка; худощавое, ничем не примечательное тело в приличном состоянии, с пучком волос на груди. Но, глядя на него, я не перестаю моргать, словно изображение не в фокусе.

Что еще хуже, точно такое же ощущение внутри моей головы. Пытаясь что-то вспомнить, я словно ощущаю языком дырку на месте выпавшего зуба.

Как будто что-то *украдено*. Смешно.

Я стараюсь отвлечься и выглядываю наружу. Стена каюты обладает достаточным увеличением, чтобы разглядеть вдали Тюрьму «Дилемма». Это сверкающий тор диаметром почти в тысячу километров, но отсюда он выглядит блестящим прищуренным глазом, который уставился прямо на меня. Я невольно сглатываю слюну и отвожу взгляд.

— Рад оказаться снаружи? — раздается голос корабля.

Голос определенно женский, почти как у Миели, только моложе и звучит как голос существа, с которым я бы не отказался встретиться в более благоприятной обстановке.

— Ты себе даже не можешь представить, как я рад. Это не слишком приятное место. — Я вздыхаю. — Я бесконечно благодарен твоему капитану, хоть она и явилась в самый последний момент.

— Послушай, — говорит «Перхонен». — Ты же не знаешь, через что ей пришлось пройти, чтобы тебя вытащить. Я с тебя глаз не спускаю.

Интересное замечание, стоит его запомнить и учесть при дальнейших исследованиях. Как же ей *удалось* меня вы-

¹ Петер Лорре (нем. Peter Lorre, настоящее имя Ладислав (Ласло) Левенштайн, 26 июня 1904 — 23 марта 1964) — австрийский и американский киноактер, режиссер, сценарист.

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

тащить? И на кого она работает? Но для этих вопросов еще рановато, и я просто улыбаюсь.

— Ладно, какую бы работу она для меня ни придумала, это лучше, чем каждый час получать пулю в голову. А твой босс не будет недоволен, узнав, что ты со мной разговариваешь? Я имею в виду беседу с криминальным интриганом и все такое.

— Думаю, я сумею с тобой справиться. Кроме того, строго говоря, она не мой босс.

— Вот как.

Я старомоден, но сексуальные отношения между людьми и гоголами всегда волновали меня в юности, а от старых привычек трудно избавиться.

— Ничего *подобного*, — говорит корабль. — Мы просто друзья! Кроме того, она меня создала. Ну, не меня, а корабль. Знаешь, я намного старше, чем кажется.

Мне становится интересно, настоящий ли акцент у этого голоса. — Я слышал о тебе. Давно. До Коллапса.

— Я бы сказал, ты выглядишь ни на день старше трех сотен лет. Тебе понравилось то, что ты слышала?

— Мне понравилось похищение солнечного подъемника. Классный угон.

— Классный, — соглашаюсь я. — Именно к этому я всегда и стремился. Кстати говоря, ты выглядишь не старше трехсот лет.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Гм. Судя по тому, что я успел увидеть, это так.

— Хочешь, я проведу тебя по кораблю? Миели не будет возражать, она сейчас занята.

— С удовольствием.

Это определенно женщина — возможно, Тюрьма не полностью лишила меня шарма.

Внезапно я чувствую настоятельную потребность одеться: разговоривая с существом женского пола любого рода, не

имея на себе даже фигового листка, я ощущаю себя излишне уязвимым.

— Похоже, у нас будет масса времени познакомиться поближе. Но, может быть, ты для начала снабдишь меня какой-нибудь одеждой?

И «Перхонен» создает для меня костюм. Ткань слишком гладкая — я не люблю носить вещи из интеллектуальной материи, — но когда я вижу себя в белой рубашке, черных брюках и темно-бордовом пиджаке, ощущение скованности немного рассеивается.

Затем она показывает мне спаймскейп, и мир внезапно возникает передо мной в новом свете. Я шагаю туда, покинув свое тело, мой взгляд перемещается в космос, и я вижу корабль со стороны.

Я был прав: это оортианский паучий корабль. Он состоит из отдельных модулей, связанных между собой нановолокнами, причем жилые отсеки вращаются вокруг центральной оси, словно кабинки карусели в луна-парке, что создает некоторое подобие гравитации. Связующие волокна образуют сеть, по которой модули могут перемещаться, как пауки в паутине. Паруса из квантовых частиц — концентрические кольца, созданные из искусственных атомов и тонкие, словно мыльные пузыри, — расходятся вокруг корабля на несколько километров. Они с одинаковой легкостью способны улавливать солнечный свет, информационные мезочастицы и лучи маяков Магистрали, а кроме того, представляют собой потрясающее зрелище.

Затем я украдкой бросаю взгляд на собственное тело и испытываю при этом *настоящее* потрясение. Взгляд из спаймскейпа позволяет увидеть все детали. Сеть ку-точек под кожей, протеомические компьютеры в каждой клетке, плотный компьютерниум в костях. Подобная система могла быть создана только в близких к Солнцу мирах-губерниях. Выходит, что мои спасители работают на Соборность. Интересно.

1. ВОР И ДИЛЕММА УЗНИКА

— Я думала, что ты хочешь познакомиться со *мной*, — обиженно говорит «Перхонен».

— Конечно, — отвечаю я. — Просто хотел убедиться, что выгляжу подобающим образом. Знаешь, в Тюреме я совсем отвык от женского общества.

— А кстати, почему ты там оказался?

Удивительно, но до сих пор я об этом даже не задумывался. Я был слишком занят оружием, поражениями и сотрудничеством.

Почему же я попал в Тюрьму?

— Хорошенькой девушке вроде тебя не стоит беспокоиться о подобных вещах.

«Перхонен» вздыхает.

— Наверно, ты прав. Наверно, не стоило мне с тобой разговаривать. Если Миели об этом узнает, она может огорчиться. Но у нас на борту так давно не было никого *интересного*.

— Да, в такой местности трудно надеяться на приличных соседей. — Я указываю на звездные поля вокруг. — Где мы находимся?

— Это Троянские астероиды Нептуна. Задрипанная дыра в пустоте. Когда она ушла тебя вытаскивать, я долгое время ждала здесь ее возвращения.

— Тебе необходимо поближе познакомиться с жизнью преступников. Она вся сплошь состоит из ожидания. Скука, перемежаемая вспышками откровенного ужаса. Некоторое подобие войны.

— О, на войне было гораздо лучше, — взволнованно восклицает она. — Мы участвовали в Протокольной войне. Мне понравилось. Приходится так *быстро* думать. Знаешь, мы проделывали удивительные вещи, даже украли луну. Это было потрясающе. Метиду, как раз перед Вспышкой. Миели установила внутри странглетовый заряд, чтобы столкнуть ее с орбиты. Какой был фейерверк, ты не поверишь...

КВАНТОВЫЙ ВОР

«Перхонен» внезапно замолчала. Мне показалось, она опасалась, что сказала что-то лишнее. Но нет: ее внимание привлекло нечто другое.

Вдали, между паутиной парусов корабля, векторами спаймскейпа и метками жилых модулей, появилась россыпь ослепительно ярких шестиконечных звезд. Я увеличил степень приближения. Острые и вытянутые, словно клыки, силуэты темных кораблей с барельефами семи лиц на носовой части — тех самых лиц, что украшают каждое здание Соборности: боги-короли триллионов подданных. Я привык выпивать, глядя на них.

Приближались архонты.

— Не знаю, что ты такого сделал, — говорит «Перхонен», — но, похоже, они хотят заполучить тебя обратно.

Вор и архонты

Что же я сделала?

Кресло пилота мягко обнимает ее тело, но сердце Миели тревожно бьется. *В Тюрьме что-то пошло неправильно. Но все было так, как и во время имитаций. Почему же они нас преследуют?* Она погружается в боевую сосредоточенность, обеспеченную содействием пеллегрини. Возникает ощущение прохладного покрывала, и мир распадается на векторы и гравитационные колодцы. Мысли Миели объединяются с логикой «Перхонен» и заметно ускоряются.

Объекты: «Перхонен».

Рассеянные в пространстве астероиды Трояна, вращающиеся вокруг 2006RJ103 — две сотни тысяч обломков скал, населенных медленномыслящими представителями синтетической жизни.

Тюрьма, плотный, темный и холодный ромбовидный тор в тридцати световых секундах позади, отправная точка маршрута «Перхонен».

Корабли-клинки архонтов, приближающиеся с ускорением в 5g, что намного превосходит плавную тягу световых парусов «Перхонен». Факелы, выбрасываемые их работающими на антиматерии двигателями, в спаймскейпе

превращаются в огненные столбы рассеянных мезонов и гамма-лучей.

Магистраль, в двадцати световых секундах по курсу, — их следующий пункт назначения. Непрерывный поток кораблей, одна из немногих редких неизменно идеальных плоскостей в N-частичном ньютоновском кошмаре Солнечной системы, гравитационная артерия, позволяющая легко и быстро перемещаться посредством легчайших толчков. Спасительное убежище, но слишком далеко отсюда.

— Ну ладно, — выдыхает Миели. — Боевая тревога.

Под оортианским сапфирово-коралловым корпусом пробуждается скрытая технология Соборности. Паучий корабль трансформируется. Разбросанные модули скользят вдоль своих направляющих и соединяются в плотный тугий конус.

Квантовые паруса из превосходных отражателей превращаются в алмазно-прочный защитный барьер.

Как раз вовремя, перед самым ударом наноракет архонтов.

Первый залп вызывает лишь легкие толчки, не приносящие никакого вреда. Но следующая партия адаптирует и оптимизирует прицел, а потом еще одна и еще, пока не разрушится либо программный блок, либо сама конструкция защитного барьера. А затем...

Нам необходимо добраться до Магистрали.

Серверы в ее мозгу как будто алмазными зубцами высекают теоретико-игровые направления. Перед ней так же много путей, как толкований оортианской песни, и требуется выбрать только один...

Еще один залп сверкает в спаймскейпе бесчисленными иглами света. На этот раз некоторые из них пробивают барьер. Один из грузовых модулей расцветает уродливым сапфировым наростом. Она спокойно удаляет его и наблюдает, как отсек, все еще меняясь, словно злокачественная опухоль, отдаляется от корабля, формируя странные органы, которые

2. ВОР И АРХОНТЫ

стреляют в щит «Перхонен» спорами размером с молекулу. В конце концов модуль сгорает в лучах противометеоритных лазеров.

— Это больно, — говорит «Перхонен».

— Боюсь, эту боль придется испытать еще не один раз.

Она за один раз сжигает весь аварийный запас антиматерии, поворачивая корабль в неглубокий гравитационный колодец 2006RJ103. Антипротоны из магнитного кольца-хранилища превращаются в раскаленные выбросы плазмы, вызывая стоны «Перхонен». Часть высвободившейся энергии она направляет на подкачку мощности программируемых стержней, вырабатывающих материал корпуса. Архонты легко повторяют ее маневр, приближаются и снова стреляют.

Вокруг Миели раздаются стоны «Перхонен», но состояние сосредоточенности заставляет заниматься первоочередными задачами. Она усилием мысли заменяет странглетовый снаряд в крохотном арсенале «Перхонен» торпедой на квантовых частицах и стреляет в астероид.

Спаймскейп на мгновение заливают ослепительная вспышка гамма-лучей и экзотических барионов. А затем каменная глыба превращается в фонтан света, в негаснущую молнию. Прибор пытается приспособиться, но срывается на белый шум и гаснет. Миели, вынужденная лететь вслепую, снова разворачивает крылья «Перхонен». Вихрь частиц, образовавшийся при гибели астероида, подхватывает корабль и несет их к Магистрали. Внезапное ускорение наливает тяжестью ее тело, а сапфировая структура корабля начинает петь.

Спаймскейпу потребовалось лишь мгновение, чтобы справиться с безумными помехами вихревых потоков частиц. Миели затаила дыхание: в медленно расширяющемся светящемся облаке позади них не видно черных хищных кораблей. Или они потонули в вихре взрыва, или потеряли свою цель в безу-

мии субатомных потоков. Она выходит из состояния боевой сосредоточенности и позволяет себе насладиться триумфом.

— Мы сделали это, — говорит она.

— Миели? Мне нехорошо.

На корпусе корабля расплывается черное пятно. А в центре торчит крошечный черный осколок, темный и холодный. Осколок наноракеты архонтов.

— Избавься от него.

Страх и отвращение после погружения в боевую сосредоточенность вызывают во рту резкий и противный привкус желчи.

— Я не могу. Я не могу даже прикоснуться к нему. От него пахнет Тюрьмой.

Миели со страстной мольбой обращается к той части разума, к которой прикоснулась богиня Соборности. Но Пеллегрини не отвечает.

Корабль вокруг меня умирает.

Я не знаю, что сделала Миели, однако, судя по вспышке миниатюрной сверхновой, что озарила космос несколько минут назад, она неплохо преуспела в этой войне. Но теперь по сапфировым стенам расплзается паутина черноты. Так вот что придумали архонты: они внедряются в тебя и превращают *тебя* в Тюрьму. Микрочастицы работают все быстрее и быстрее, распространяя запах горящих опилок, преодолевая все защитные системы корабля. Вместе с запахом появляется шум — рев лесного пожара.

Что ж, я считаю, это было слишком хорошо, чтобы долго продолжаться. Правительство — это лучший полицейский.

Я пытаюсь возродить возбуждение, испытанное при краже драгоценности Миели. Возможно, я смогу унести эти камешки с собой. А может, это было всего лишь предсмертное видение и я никогда не выходил на свободу. Все это была лишь тюрьма в тюрьме.

2. ВОР И АРХОНТЫ

А потом в моей голове раздается насмешливый голос.

Жан ле Фламбер отступает. Тюрьма сломала тебя. Ты заслуживаешь того, чтобы вернуться обратно. Ты ничем не отличаешься от сломанных воинов-разумов, безумных игрушек Соборности и забытых покойников. Ты даже не помнишь своих подвигов и приключений. Ты не он, ты просто воспоминание, считающее себя...

Черт побери, нет. Всегда есть какой-то выход. Нельзя стать заключенным, если сам себя таковым не *считаешь*. Так сказала мне богиня.

И я внезапно понимаю, что должен сделать.

— Корабль.

Проклятье. Не отвечает.

— Корабль! Мне необходимо поговорить с Миели!

Опять ничего.

В каюте становится жарко. Надо торопиться. Снаружи, в безвоздушном пространстве пойманным полярным сиянием горят паруса «Перхонен». Корабль так разогнался, что возникла гравитация, не меньше половины *g*. Вот только направления искажены: низ оказался где-то в задней части центрального отсека. Я выбираюсь из каюты, цепляюсь за поручни и начинаю карабкаться к рубке пилота.

Ослепительная вспышка обжигает раскаленным воздухом: целый сегмент цилиндра, медленно вращаясь, уносится вниз, в бездну. От вакуума меня теперь отделяет только мгновенно возникшая стена из квантовых точек, тонкая, как пленка мыльного пузыря. И удалять инфекцию уже слишком поздно. Вокруг меня летают горячие сапфировые осколки: один из них, острый, как бритва, оставляет на моем предплечье болезненный кровавый след.

Очень жарко, запах горящих опилок распространился повсюду. По стенам расплзается чернота: корабль тлеет, превращаясь в нечто иное. Сердце в груди колотится, как будто

горбун из Нотр-Дам бьет в колокол, но я упрямо карабкаюсь вверх.

Сквозь сапфировую переборку я уже могу заглянуть в рубку: клубящиеся облака тумана, Миели в своем кресле, ее глаза закрыты. Я кулаком стучу в дверь.

— Дай мне войти!

Я не знаю, поражен ли ее мозг. Все, что я знаю наверняка, так это то, что она уже может быть в Тюрьме. Но, если этого не произошло, она мне нужна, чтобы выбраться из этой переделки. Я крепче хватаюсь за поручень и пытаюсь разбить дверь ногой. Никакого результата. Или она сама, или корабль должны приказать сапфиру разойтись.

Сапфир. Я вспомнил выражение лица Миели, когда очнулся возбужденным. Биотическая связь существует, но, вероятно, фильтруется. Однако должен же быть какой-то порог...

Ерунда. Отсутствие времени на колебания облегчает задачу. Я подхватываю в воздухе длинный тонкий осколок сапфира и со всех сил втыкаю в левую ладонь между пястными костями. Я едва не теряю сознание. Осколок по пути рвет сухожилия и вены, царапает кости. Это все равно что пожать руку Сатане: боль полыхает перед глазами красно-черными пятнами. Появляется запах крови: медленными искаженными каплями она вытекает из раны и уносится вниз.

Это первая реальная боль, которую я ощущаю после заключения в Тюрьму, и в этом есть что-то смешное. Я смотрю на голубой осколок, торчащий из руки, и начинаю смеяться, пока боль не становится настолько сильной, что смех превращается в вопль.

Кто-то сильно бьет меня по лицу.

— Проклятье, что ты придумал?

Миели широко раскрытыми глазами смотрит на меня из дверного проема рубки.

Отлично, по крайней мере, она это почувствовала.